

Давид КУГУЛЬТИНОВ:

ВЕЧЕН ВРЕМЕНИ ОКЕАН

— Мне бы хотелось поставить эпиграфом к нашей с вами беседе вот это мое небольшое стихотворение. Оно так и называется «Книга», — сказал народный поэт Калмыкии, лауреат Государственных премий Давид Кугультинов.

В моем шкафу теснится
к тому том,
И каждый том на полке —
словно дом,
Обложку-дверь откроешь
второпях
И ты вошел, и ты уже
в гостях...
Как переулочек — каждый
книжный ряд,
А весь мой шкаф —
чудесный Книгоград.

Когда ты будешь в этот
город вхож,
Из прошлого в грядущее
придешь,
Заглянешь в страны
и во времена:
Любая книга —
время и страна...
Здесь, в комнате моей,
из года в год
Все человечество в ладу
живет.

— Вот это и будет мой ответ на традиционный вопрос вашего клуба книголюб-вов о моей личной библиотеке, — улыбается Давид Никитич.

— Ну, а если все-таки перейти на язык прозы и совершить воображаемое путешествие в ваш Книгоград...

— Видите ряды книг, выстроившихся в моих шкафах? Их здесь около трех тысяч. Мне кажется, когда я на них смотрю, будто я живу в нашем прекрасном сложном мире уже тысячи лет. У меня есть среди литературных героев друзья и недруги в разных веках и странах. Мне хочется прийти к кому-то на помощь, кого-то сделать своим близким другом, а кого-то, наоборот, стереть с лица земли.

Что же мне назвать в числе самых любимых и необходимых? Может быть, энциклопедию Брокгауза и Эфрона, которую пять лет назад я приобрел, прогуливаясь по узким улочкам старой Риги? А может быть, первое издание «Путешествия в Арзрум» Пушкина, о нем я мечтал долгие годы. И вот оно на моей полке. Теперь я имею возможность листать пожелтевшие от времени страницы, как бы совершая вместе с великим поэтом путешествие «во время похода 1829 года», захожу с ним в калмыцкую убогую кибитку и думаю: эх, посмотрел бы поэт на «друга степей — калмыка» сегодня! Подвинулся бы свету и теплу в его доме, золоченым корешкам переплетов на его книжной полке, где на одном из первых мест — томики пушкинских стихов.

А может, назвать уникальный сборник «Неопубликованные тексты Гоголя» 1910 года издания? И в нем — никогда и нигде больше не публиковавшийся очерк великого русского писателя под названием «Калмыки»?

Нет, не выберу, пожалуй, — всех их люблю, над каждым томом проводил бессонные ночи.

Но с самым большим трепетом я подхожу к той заветной полке, где у меня стоят труды Владимира Ильича Ленина. Я обращаюсь к ним постоянно. Какая мысль, как они современны! И когда в Ленинграде я захожу в кабинет Ленина в Смольном или в Кремлевскую квартиру-музей в Москве, всегда ловлю себя на ощущении того, что я не только вижу перед собой скромную железную кровать, простой стол с этажеркой, а словно бы продолжаю читать книги Ленина. И где-то в воображении вижу его руку, которая, сбежав за взлетом мысли, торопливо наносит на белой бумаге бессмертные строки...

самое прекрасное хранилище книг в Москве названо именем Владимира Ильича! У меня есть короткое стихотворение.

В грандиозной библиотеке,
Колыбели всемирных знаний,
Я читал калмыцкие книги,
Пожелтевшие фолианты.

С любопытством листал
газеты
Двадцатых годов
и тридцатых.
Сохранили черные буквы
Обжигающий ветер века
И рассвет свободы калмыка.

Это стихотворение так и назвал «В библиотеке имени Ленина».

— Давид Никитич, вы много путешествуете по свету. Не могли ли вы рассказать нашим читателям об одной из запомнившихся вам встреч с зарубежными книжниками? И о тех мыслях, которые возникли у вас в связи с этой встречей?

— Да, я мог бы многое рассказать. Вот недавно, например, в составе делегации деятелей советской культуры довелось побывать в Индии. Во время беседы в Литературной академии в Дели мне как руководителю делегации представился ученый, писатель, профессор Локеш Чандра, возглавляющий научно-исследовательский институт, который изучает культуру монголоязычных народов. Крепко сложенный, еще сравнительно молодой, с легкой проседью в густых волосах, с открытым, умным лицом, с доброй, хорошей улыбкой, он сразу привлек наши симпатии. Он сказал, что хотел бы показать нам сокровища своего института — старинные монгольские, бурятские книги, редкие издания на языках этих народов.

Мы с благодарностью приняли приглашение и посетили его институт. Впечатление было огромное. Мы любовались фолиантами, со страниц которых возникали мысли мудрецов, высказанные лаконично и, на первый взгляд, даже сухо. Лишь потом, внимательно вчитавшись в изречения древних, мы постигали, что эмоции авторов здесь сжаты до такого состояния сознательно: чтобы энергия мысли, излучаясь, дошла сквозь толщину веков и до нас, трепетно стоящих и глядящих на эти страницы, впитавшие в себя всю мудрость человеческой жизни. Книжки, хранящиеся в железных шкафах — с определенной температурой и влажностью — как бы вобрали в себя неумирующую, вечную красоту человеческого духа.

Локеш Чандра сказал, что его институт изучает культуру монголоязычных народов как составную часть великой общечеловеческой культуры, ибо без глубокого знания культуры какого бы то ни было народа — большого или малого — невозможно познать все сокровища мировой цивилизации.

Какое это важное и полезное дело!

— А какова эволюция отношения к книге у вашего народа — калмыков?

— Самая удивительная! Дело в том, что с давних времен книга вызывала в них какой-то суеверный страх, возникший, очевидно, от вида отделенного от человеческого мозга и пульсирующего на бумаге живого человеческого знания. Я бы сказал, что отношение к книгам у калмыков было близким к мистическому: ведь они были темными, невежественными.

Шли годы, века. Отношение к печатному слову стало почитательным, уважительным и передавалось от отцов к детям и внукам. Человек, читающий книгу, казался слушателям причастным к волшебству, магии, ибо со страниц — тонких листов бумаги — читающий, словно ку-десник, извлекал образы мощи, богатейшее число кото-

рых не уместилось бы в окружности степи, очерченной горизонтом. Книжки, казалось, обладали таинственной силой, излучившей от недугов, хранили в себе и свет, и тьму...

А ныне моя республика Калмыкия — одна из самых читающих. Наш книготорг — в числе первых в Российской Федерации. Книга стала для калмыков, как и для читателей любой национальности нашей страны, первейшей жизненной потребностью...

— Хотелось бы, Давид Никитич, услышать рассказ о том, как вы сами приобщались к книге, чем она стала для вас в вашей писательской судьбе? Чему или кому вы обязаны рождением ваших собственных книг?

— Я прикоснулся к великому чуду — книге в раннем детстве и навсегда, до конца моих дней буду верен ей. Родился я в семье сельского учителя и, естественно, книги были со мной с тех пор, как помню солнце и небо, землю и воду. Первая книга, которую мне вслух прочитали родители, был знаменитый «Робинзон Крузо» Даниэля Дефо. Я был подготовлен к тому, чтобы воспринимать эту книгу: с младенчества жил в царстве изумительных, мудрых калмыцких сказок. Сказочниками были дедушка и бабушка. Ведь не случайно Калмыкию считают второй родиной сказок после Индии. Может быть, именно образы поэтических калмыцких сказок и поселили в моей детской душе ростки любви к поэтическому слову. Надо сказать, что стихи я начал писать в раннем детстве, а в 12 лет уже напечатал свое первое стихотворение.

И, конечно же, самой вожделенной, самой тайной и сладкой, самой великой моей мечтой была мечта о собственной книге.

Она сбылась, когда мне исполнилось 17 лет: вышла в свет тоненькая, желтая книжечка с портретом на обложке — стихи моей юности. Многие из них были переведены затем на русский язык.

Вскоре мои стихи попали в руки замечательному мастеру слова Александру Фадееву, и по его рекомендации я был принят в Союз писателей СССР. Было мне тогда 18 лет, и я воспринимал это событие моей жизни, как великое чудо.

...Прошли годы. Недавно вышел трехтомник моих сочинений. Но сколько еще предстоит сделать! Хочу написать книгу сказок по мотивам калмыцких народных преданий. И, конечно, все время пишу стихи — размышления о Человеке, о Земле, о Любви, о Родине...

— Какую вашу книгу вы считаете главной?

— Поэму «Бунт разума». Я давно собирался написать о главных «болеющих» точках нашего времени. Одной из таких для меня оказалась Хиросима. В поэме есть строчки:

Ни проблеска нигде,
ни огонька,
Как будто протекли века,
века,
С тех пор, как свет здесь
обернулся тьмою
И Хиросима сделалась
немою.
Ни голоса, ни шороха
вокруг...
Быть может, бомбою убили
звук?

Поэма направлена против возможности новой войны, планы которой лелеет еще кое-кто на Западе. Меня, участника Великой Отечественной войны, своими глазами видевшего так много людского горя, тема эта никогда не перестанет волновать. Мир прекрасен, и он должен принадлежать людям, их детям, цветам, свету, любви.

Беседу вела
В. ЖЕГИС.

Фото Г. Черкасова.